

Масштабы развития и даже само существование теневой экономики неохотно признается официальной экономической наукой. Между тем теневая (серая) экономика – это не только способ экономического поведения, но и стиль жизни. Ему соответствует комплекс градостроительных и архитектурных принципов. Творчество некоторых современных архитекторов (таких как Александр Аравена) учитывает широкую распространенность «серого» образа жизни, что создает возможность снижения социальной напряженности.

Ключевые слова: архитектура; теория; теневая экономика; стиль жизни; горожанство. /

The scope of development and even the existence of the shadow economy are recognized by the official economic science rather unwillingly. In the meanwhile, the shadow (“grey”) economy is not only the way of economic behavior, but also a style of life. It corresponds to a complex of urban planning and architectural principles. The creative activity of some contemporary architects (such as Alejandro Aravena) takes into account the wide spread of the “grey” style of life, which makes it possible to decrease the social tension.

Keywords: architecture; theory; shadow economy; style of life; urbanism.

Архитектура, выгодная всем / Architecture Profitable for All

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение

У каждого времени – своя любимая наука. От нее ждут решения самых жгучих жизненных проблем, она выглядит самой романтической и увлекательной, ее представители больше всего похожи на носителей высшей истины. Во времена Жюль Верна это были география и зоология, почти все его герои – путешественники и знатоки животных. Сецессион, ар-нуво, либерти, югендштиль (все, что в русскоязычной литературе обычно сливается в общий «стиль модерн») имеет то же самое происхождение. Извивы модерна отчетливо имитируют облик каких-то экзотических тварей, то ли растительных, то ли животных.

Затем пришел черед химии и психологии, так что даже в персонажах детских книжек рубежа XIX и XX веков отчетливо видна романтика путешествий в глубины бессознательного. Алиса и Винни-Пух, Буратино и Бармалей – все они выглядят как иллюстрации к символическому анализу сновидений (или фантазий наркомана). Архитектура тоже не стояла в стороне, ее будущее однозначно связывалось с прогрессом в области психологии, педагогики и промышленного синтеза материалов. Новый человек должен был поселиться в дворцах из алюминия, стекла и пластмассы.

В начале прошлого века, в череде утопий и антиутопий, революций и переворотов пришел черед социологии. Высшим проявлением этого периода стал конструктивизм с его героической заявкой на изменение образа жизни масс средствами архитектуры и дизайна.

Затем, в середине XX столетия, на передний край вышла физика, а чуть позже – ее дивная «дочь» – кибернетика. От лампочки Ильича до японского унитаза, снабженного искусственным интеллектом, машина для жилья стремительно изменилась, породив «умный дом», архитектуру нулевого баланса и виртуальную архитектуру.

Сегодняшний день вывел на передний край познания экономику. Именно экономика стала основой самого грозного оружия современности (как ядовитые газы в «эпоху химии», или как атомная бомба физиков), и вместо ядерной войны политики грозят друг другу торговыми санкциями. За взлетами и падениями валового внутреннего продукта с волнением следят массы людей, плохо

Introduction

Each period of time has its own favourite science. It is expected to solve the most urgent problems, it looks the most romantic and captivating, its representatives seem to be the possessors of ultimate truth. In the times of Jules Verne it was geography and zoology, and almost all his heroes were travelers or animal experts. Secession, Art Nouveau, Liberty, Jugendstil (all that usually merges into the common “modern style”) have the same origin. The curved lines of the modern style distinctly imitate an image of some exotic plants or animals.

Then it was the turn of chemistry and psychology. The romance of travelling into the depth of unconsciousness can be seen even in the heroes of children’s books at the turn of the 19th century. Alice and Winnie-the-Pooh, Buratino and Barmaley look like illustrations to an analysis of symbolic dreams (or an addict’s fantasies). Architecture was also involved. Its future was directly connected with the progress in psychology, pedagogy and industrial synthesis of materials. A new man was supposed to live in palaces made of aluminium, glass and plastics.

понимающих, что это такое, но уверенных в судьбоносности ВВП, курса доллара и цены на нефть.

Профанация и одновременно широчайшая пропаганда экономического способа мировосприятия особенно заметна в русле массовой культуры. Главный герой голливудских боевиков сегодня – вовсе не решительный ковбой с твердым подбородком. При всей своей несгораемости, он лишь статист на подхвате у центрального персонажа, миллиона долларов (в последнее время, в связи с инфляцией, уже два миллиона или даже сразу миллиард). Битвы машин с человечеством происходят на почве конкуренции за энергетические ресурсы – будут ли люди использоваться в качестве батареек или просто исчезнут, чтобы не потребляли плутоний. Контакт с инопланетными цивилизациями сводится к проблемам налаживания справедливого торгового баланса и так далее. В том же направлении развиваются компьютерные игры, самая динамичная часть масскульта.

И разумеется, такая синтетическая область, как архитектура, не может остаться в стороне от общего увлечения экономикой.

Экономика белая, серая и черная

Экономика как область знания возникла в эпоху Высокого Ренессанса, на фоне бурного роста итальянских городов-государств, гениальных художников и чудовищно алчных, беспринципных, великопленных правителей. Первой идеологией нарождающейся теоретической экономики стал меркантилизм. Согласно этому учению, богатеет то сообщество, правители которого всеми средствами защищают свой внутренний рынок от любого внешнего вмешательства. Тут любые средства хороши – от пошлин на импорт до прямого участия в грабительских набегах на конкурирующие государства. Собственно говоря, предельный (или даже беспредельный) протекционизм и стал основой экономики на длинный период – от пятнадцатого до начала девятнадцатого веков. Государство, правительство брало на себя обязанность управлять всеми экономическими движениями, регулировать рыночные процессы, разрешать противоречия между бедными и богатыми, и так далее.

In the early 20th century, in the sequence of utopias and anti-utopias, revolutions and upheavals, came the turn of sociology. The highest phenomenon of that period was constructivism with its heroic attempt to change the style of life of the masses by means of architecture and design.

Then, in the middle of the 20th century, physics and later its “daughter” cybernetics came to the forefront. From the Ilyich lamp to the Japanese toilet bowl equipped with artificial intelligence, the dwelling machine changed rapidly, giving birth to a “smart” house, zero energy architecture and virtual architecture.

Today, economics is placed in the forefront of knowledge. Economics has become the basis for the most dangerous weapon of present days (like poisonous gases in the “epoch of chemistry” or an atomic bomb made by physicists), and, instead of the nuclear war, politicians threaten each other with trade sanctions. Masses of people watch with anxiety the rises and falls of the gross domestic product, knowing little what it is but believing in the fatefulness of the GDP, dollar rates and oil prices.

Profanation and at the same time wide propaganda of the economic way of world perception can be seen in the mass culture.

The main hero of today’s Hollywood thrillers is not a brave cowboy with a strong chin. He is a mere extra player hanging around the central character, a million dollars (lately, due to the inflation, two millions and even a billion). Machines fight with the humankind because of the competition for energy resources: whether people will be used as batteries or just disappear in order not to consume plutonium. The contact with alien civilizations boils down to the issue of reaching a fair trade balance and so on. Computer games, the most dynamic part of the mass culture, develop in the same direction.

And, of course, such a synthetic field as architecture, cannot stay aside from the common passion for economics.

1. White, grey and black economy

Economics as a field of knowledge emerged in the epoch of High Renaissance, against the background of rapidly growing Italian city-states, brilliant artists and greedy, unprincipled and great rulers. Mercantilism became the first ideology of the emerging theoretical economics. According to this theory, the society becomes rich if its rulers protect their inner market from any outside interference. Here, all is fair – from import duties to

Адам Смит, которого многие почитают как отца-основателя современной научной экономики, предложил прямо противоположную модель саморегулирующегося рынка. Знаменитое выражение о «невидимой руке», которой рынок сам по себе регулирует спрос и предложение, стало лозунгом либеральной экономической идеологии.

Прошло триста лет. С меркантилизмом боролись не только теоретики – последователи Адама Смита. Англичане захватили Индию и уничтожили местную текстильную промышленность (а заодно заметный кусок традиционной культуры), чтобы взломать государственную защиту внутреннего индийского рынка тканей. Опиумные войны повторили тот же прием по отношению к внутренним рынкам Китая. Крымская война под предлогом борьбы с «русским варварством» обеспечила европейским товарам выход на безбрежный русский рынок. Эскадра адмирала Пири «открыла» Японию для товаров из США и так далее.

Но вот, в начале XXI века стали раздаваться голоса – все более громкие и обоснованные – о том, что правительства наиболее экономически мощных современных стран сами заражены меркантилизмом. Только теперь защита любыми средствами (в том числе – самыми антигуманными) обслуживает экономических интересы не нации, не народа, а финансовых элит. Даже в самых богатых странах мира элиты составляют лишь несколько процентов населения, но вся мощь государственной машины работает именно для них, для их безопасности и их дальнейшего обогащения.

Лауреат премии имени Нобеля по экономике Джозеф Стиглиц – автор следующих гневных строк: «Пропасть между истинным предназначением нашей экономики (о котором нам говорили) и ее наличным состоянием стала слишком широка, чтобы игнорировать ее. Правительства по всему миру не обращались к ключевым проблемам

< «Нас – 99 процентов» - популярный лозунг движения «Захвати Уолл-стрит». Движение выдвигает требования более справедливого и равномерного распределения общественного богатства, против «нового меркантилизма». / “We are the 99%” is a popular slogan of the Operation Invade Wall Street. The movement demands a fair and equal distribution of wealth and is against “new mercantilism”.

a direct participation in plundering raids into the rival states. Actually, the limitative (or even unlimited) protectionism became the basis for the economy for a long time – from the 15th to the beginning of the 19th centuries. The state and the government undertook to manage all economic movements, to regulate market processes, to resolve contradictions between the poor and the rich, etc.

Widely esteemed as a father of the modern scientific economy, Adam Smith proposed a directly opposite mode of the self-regulating market. The famous expression about the “invisible hand” used by the market to regulate supply and demand became the motto of the liberal economic ideology.

Three hundred years have passed. Not only theoreticians, the followers of Adam Smith, struggled with mercantilism. Englishmen invaded India and annihilated the local textile industry (and a substantial part of traditional culture) to break the state protection of the Indian domestic textile market. The opium was used the same technique towards the domestic market of China. On the pretext of struggling with the “Russian barbarism”, the Crimea War made the vast Russian market accessible for European

goods. The Admiral Piri's fleet “opened” Japan for the goods from the USA, and so on.

In the early 21st century it began to be discussed more loudly and in a more reasonable way that the governments of the states with the strongest economies are also infected with mercantilism. But now the protection in every way possible (including the most inhuman ways) serves the economic interests of the financial elites, but not the interests of the nation. Even in the richest countries, elites amount only to several percent of the nation, but the entire work of the state machine is focused on their safety and further enrichment.

Joseph Stiglitz, the Nobel laureate in economics, is the author of the following angry words: “The gap between what our economic and political systems are supposed to do—what we were told they did do—and what they actually do became too large to be ignored. Governments around the world were not addressing key economic problems, including that of persistent unemployment; and as universal values of fairness became sacrificed to the greed of a few, in spite of rhetoric to the contrary, the feeling of unfairness became a feeling of betrayal” (Stiglitz, 2012).

^ Иркутск, начало XX века. После большого пожара центральные улицы – Большая и Амурская – были перестроены по принципам «белого» зодчества (на фотографии – перекресток Большой, ныне Карла Маркса и Амурской, ныне улица Ленина) / Irkutsk, the early 20th century. After the great fire the central streets (Bolshaya and Amurskaya) were rebuilt according to the principles of the “white” architecture. The photo captures the view of the crossroad of Bolshaya (now Karl Marx) Street and Amurskaya (now Lenin) Street.

экономики, включая постоянный уровень безработицы. Таким образом, разделяемые всеми ценности справедливости были положены на алтарь жадности немногих, несмотря на провозглашение обратного, и чувство несправедливости переросло в чувство предательства» [1, с. 27].

Законы, принимаемые властными элитами, все больше направлены на обслуживание интересов узкого (и все время сужающегося) круга лиц. Перуанский экономист Эрнандо де Сото пишет так: «Правительства... были полностью антидемократическими, творившими законы за закрытыми дверями и реагиовавшими только на интересы отдельных групп, без учета нужд и стремлений большинства населения. Даже когда... проводятся выборы, демократия сводится лишь к возможности голосовать каждые несколько лет за того или иного политического кандидата, давая победителю карт-бланш на время действия его полномочий» [2, с. 38].

Согласно анализу де Сото, во многих странах государственный аппарат работает настолько неэффективно, что его услуги становятся невыгодны значительной части

населения. Скажем, для получения официальной лицензии на мелкое домашнее производство нужно потратить два года, потому что двадцать четыре ведомства последовательно рассматривают вашу заявку, каждое в течение месяца. Коррупционная составляющая в стартовом капитале несоразмерно велика (особенно в таких сферах, как строительство). Законы настолько многочисленны и запутаны, что разобраться в них может только высокооплачиваемый юрист. В результате часть населения предпочитает строить свое экономическое поведение без взаимодействия с государством – без его иллюзорной защиты и поддержки, но и без невыносимого бюрократического бремени. Так между законом и экономикой образуется некий зазор, промежуток – и в ряде случаев, в этом промежутке помещается заметная часть экономики. Эта часть называется «теневой» или «серой» (в отличие от полностью законной «белой» экономики). Серая экономика по большей части не связана с откровенным криминалом (полностью криминальная экономическая активность называется «черной»): «...теневая деятельность отнюдь не синоним хаоса и анархии, как полагают многие. Напротив, у теневиков есть ясные и определенные интересы, их жизнь организована законами, которые они стихийно выработали взамен отсутствующих государственных», – пишет де Сото [2, с. 34]. Теневой бизнес живет не по закону, а по понятиям – и во многих случаях так получается гораздо эффективнее.

Зарплата «в конвертах», неофициальные приработки, заметная часть мелкой торговли (особенно через интернет), самострой и даже выращивание огурцов на даче – все это элементы серой экономики. Очевидно, масштабы этого явления в общей экономической картине довольно трудно определить. Данные сильно различаются. Так, доля российской серой экономики в общем ВВП, по данным Росстата, лежит где-то около 10–14 % (от 50 % в сельском хозяйстве, 16–18 % в строительстве, до 5–6 % в образовании) [3]. По данным Всемирного банка, российская теневая экономика составляет 40–50 % [4], что также выглядит несколько неправдоподобно. Впрочем, в любом случае речь идет о десятках триллионов рублей в год и о десятках миллионов рабочих мест.

The laws adopted by the power elites are focused more on servicing the interests of the narrow circle, which is getting narrower and narrower. The Peruvian economist Hernando de Soto writes about antidemocratic governments that make decisions behind closed doors without the broader public consultation. Such laws are likely to benefit just a small group of insiders. In many countries, even democratic elections boil down to possibility to vote for this or that political candidate every few years, giving the winner carte blanche for the period of his term. Until the next election, the winner is beyond the control of the majority (Soto, 2002).

According to de Soto's analysis, in many countries the government machine works so ineffectively that its services become unprofitable for the majority of the population. For example, it takes two years to obtain an official license for a small household production, because each of twenty-four institutions considers an application within a month. Corruption is great in what is related to the startup capital (especially in the field of construction). The laws are so numerous and complicated that only a highly paid lawyer can make sense of it. As a result, a part of the

population prefers to do without economic relationship with the state, without its illusory protection and support, as well as its unbearable bureaucratic burden. Thus, there is a gap between the law and the economy, and sometimes a considerable part of the economy is located in this gap. This part is called a "shadow" or a "grey" economy (as opposed to the fully legal "white" economy). The grey economy is not obviously related to crime (while the black economy is fully criminal). According to de Soto, the shadow activity is not as close to chaos and anarchy as is generally believed. On the contrary, he thinks that the shadow marketers have their definite interests, and their life is organized according to the laws created by them spontaneously, in the absence of the government laws (Soto, 2002). The shadow business lives not according to the government laws, but according to the unwritten rules, which are often more efficient.

Envelope wages, unofficial extra earnings, a great part of small-scale trading (especially internet trading), squatter development and even growing cucumbers in private gardens are the features of grey economy.

Однако большая часть города была плотно застроена деревянными домами, образуя «серую» городскую среду разнообразных оттенков / However, a big part of the city was densely built up with wooden houses that formed a "grey" urban environment of various shades.

Черная, белая и серая архитектура

Расслоение экономики «по цвету» состоялось не сегодня. Но лишь теперь оно попало в поле зрения научно-теоретической рефлексии и начало порождать осознанные архитектурные движения. Дело в том, что каждый оттенок экономики – это одновременно и образ жизни, и система ценностей (то, что мы ранее предлагали называть «горожанством» [5]). И, следовательно, принципы и приемы зодчества.

Чисто белая экономика поразумевает открытый, прозрачный образ жизни. Все по закону, скрывать нечего, честность – лучшая политика. Отсюда стремление к максимальной проницаемости городской среды, пронизанной прямыми длинными перспективами, обширными общественными пространствами, ясной и четкой навигацией. На уровне здания «белые» принципы выражаются в открытой тектонике, не замаскированной декором, в обилии стекла и ажурных конструкций в духе Сантьяго Калатравы, в четких ритмах и крупных масштабах. В истории архитектуры немало примеров, когда «осветление» проходило под мощным давлением государства. Деятельность Доменико Трезини, барона Османа, Альберта Шпеера или М. В. Посохина в различных политических контекстах приводила, однако к весьма схожим результатам.

Впрочем, движение в сторону «белого» зодчества не обязательно связано с административным давлением. Например, обладатель Гран-при фестиваля «Зодчество

Иркутск с Успенской колокольни

> Макет «Квартала 130», Иркутск, 2012 г. Квартал спроектирован и построен, как пример «белой» застройки. Основной структурный элемент проекта – прямые перспективы, променады, пронизывающие застройку насквозь. Даже на макете видно, что прилегающие кварталы застроены в основном «по-серому».

The model of the 130 Quarter, Irkutsk, 2012. The Quarter was designed and built as an example of the "white" development. The key structural elements of the project are the straight visual axes and promenades that penetrate the development. As is seen even in the model, the neighbouring quarters are built up in a "grey" way.

It is hard to determine the scope of this phenomenon in the overall economic picture. The data are very diverse. For example, according to Rosstat, the share of the Russian grey economy in the total GDP is about 10-14% (from 50% in agriculture and 16-18% in construction to 5-6% in education (Rosstat)). According to the World Bank, the size of the Russian grey economy amounts to 40-50 % (Schneider, Buehn, & Montenegro, 2010), which also seems improbable. Anyway, it is a case of tens of trillions of rubles per year and tens of millions of jobs.

2. White, grey and black architecture

Economy split into different “colors” long ago. But only recently this split has come into view of scholars and theoreticians and began to give rise to different architectural movements. In fact, each shade of economy is at the same time a style of life and a system of values (what we have offered to call “urbanship” (Lidin, 2015), and, consequently, architectural principles and techniques.

White economy often implies an open and transparent way of life. Everything is legal, there is nothing to hide, and honesty is the best policy. Hence the desire for higher permeability of urban

environment penetrated by straight and long visual axes, vast public spaces and clear navigation. On the building level, the “white” principles are manifested in the open tectonics having no decorations to hide behind, in the plentitude of glass and openwork a la Santiago Calatrava, in accurate rhythms and large volumes. There are a lot of examples in the history of architecture when “lightening” was conducted under strong governmental pressure. However, the activities of Domenico Trezzini, baron Haussmann, Albert Speer or M. V. Posikhin in different political contexts resulted similarly.

On the other hand, the movement toward the “white” architecture is not necessarily connected with administrative pressure. For example, the Bridge to Tatyshev Island by A. Myakota et al., the winner of the Zodchestvo of Eastern Siberia Grand Prize 2017, is voluntarily designed in an absolutely “white” style, without any pressure (Myakota, Gribakina, Elizarova, & Rubcov, 2017). Another remarkable example is the project of the 130 Quarter in Irkutsk. This challenging experiment produced a “white” fragment standing out among the traditional “grey” blocks (Grigoryeva, 2017).

в Район Квинта Монрой (Quinta Монрой) чилийского города Икик (Iquique), один из самых цитируемых проектов Алехандро Аравена (фотография с официального сайта студии Elemental, 2001-2004 гг.). Государственная субсидия в рамках программы социального жилья позволила построить только половину дома для каждой семьи. Каждая семья достраивала свой дом по мере своих возможностей и вкусов. В результате квартиры обошлись в рекордно низкую цену – около 2,5 тысяч USD. / Quinta Monroy housing project in Iquique, Chile, is one of the most cited designs by Alejandro Aravena (the photo retrieved from the Elemental official site, 2001-2004). The government subsidy for social housing allowed to build only a half of the house for each family. The rest of the house was accomplished by the families, according to their possibilities and tastes. As a result, the price of the apartments was record-low: about 2.5 thousand USD.

Восточной Сибири» за 2017 год, проект моста на остров Татышев (А. Мякота и др.) решен в совершенно «белой» стилистике, но не под давлением, а добровольно [6]. Еще более яркий пример – проект иркутского 130-го квартала. Этот смелый эксперимент привел к возникновению «белого» фрагмента городской застройки посреди традиционных «серых» кварталов [7].

Чем темнее оттенок экономики, тем меньше архитектура нуждается в государственном участии. Криминальные районы: бразильские фовелы, китайские хутоны и отечественные «нахаловки» - все эти трущобные поселения растут сами собой и демонстрируют одинаковый набор свойств, вытекающих из «черного» образа жизни. Проницаемость застройки крайне низка, множество кривых и прерывистых улочек затрудняют движение. В предельных случаях перемещаться по такому поселению может только «свой» – человек, хорошо знакомый с этим лабиринтом. Для чужих прохода нет. Высокие заборы

The darker economy is, the less architecture needs participation of the state. Such criminal areas as Brazilian favelas, Chinese hutuns and Russian “nakhlovki” are slum settlements that grow by themselves and demonstrate the same set of features coming from the “black” way of life. Permeability of the development is extremely low, and a number of curved and discontinuous streets hinder the traffic. Sometimes only a “local” person familiar with this labyrinth can move around the settlement. There is no access for an alien. High fences separate every building from the others, and even windows tend to look out onto the courtyard instead of the street. Hardly seen from behind the fence, the facades are hidden behind large plants, decorations, shutters and curtains. One cannot look into the house. The general outlook of the buildings is expressly poor, almost deserted, and the colour palette is a mix of dirty and “trash” colours. The dwellers’ level of income is also a secret for a passer-by, who is considered a potential enemy or a spy.

Architecture of the grey zone balances between the white and the black extremes. The network of through streets neighbours inner spaces of courtyards. Public spaces are not large, but

отгораживают каждое строение от других, и даже окна предпочитают выходить во двор, а не на улицу. Фасады, если даже они видны из-за забора, визуальнo перекрыты крупномерными растениями, декором, ставнями, шторами. Заглянуть внутрь дома никак нельзя. Общий внешний вид зданий подчеркнута бедный, заброшенный, почти нежилой, цветовая гамма «мусорная», грязно-пестрая. Об уровне достатка жильцов прохожему знать не надо, да и вообще любой прохожий – потенциальный враг или соглядатай.

Архитектура серой зоны балансирует между крайностями белого и черного. Сеть сквозных улиц соседствует с внутренними пространствами дворов. Общественные пространства невелики, но многочисленны. Фасады не обнажены и не скрыты полностью, но частично перекрыты деревьями, палисадниками, оградами. Цветовая гамма сдержанная, земляная. Ритмика застройки ненавязчивая, разнообразная, но единая по масштабу.

> Далеко не везде к «серым» принципам застройки относятся позитивно. Район Столипино, Пловдив, Болгария (фотография А. Беленький). В рамках социального эксперимента район, застроенный стандартными панельными зданиями, был предоставлен для компактного проживания самой крупной в стране общины цыган. Восприятие района местными жителями – крайне негативное, район в глазах болгар выглядит, как воплощение позора, смутной угрозы и источник сильного социального напряжения. Принципы сочетания белой и серой застройки все еще встречают сильное сопротивление в общественном мнении. / Not everywhere the “grey” development principles are treated positively. Stolipino neighborhood, Plovdiv, Bulgaria (photo by A. Belenky). As a social experiment, the area built up with panel housing was provided for the country’s biggest gypsy community. Local people treat the neighborhood negatively, perceiving it as an embodiment of shame and hidden danger, and as a source of social tension. Public opinion still strongly resists the principles of matching white and grey developments.

numerous. Facades are neither exposed nor fully hidden, but they are partially covered with trees, front yards and fences. The colour palette is restrained, having mostly the earth tones. The development rhythm is discreet and diverse, but the scale is one and the same.

Historical cities usually demonstrate different combinations of grey and white “economic colours”. The more shades the image of the city contains, the stronger the sense of its historicity and multilayeredness becomes. Irkutsk became like that by the end of the 18th century, after a great fire in June 1879. During the reconstruction of the city, the main “white axis” was formed: Bolshaya (now Karl Marx) Street was densely built up with expensive stone buildings with iron roofs. At the same time, the burnt-out adjacent quarters were built up with traditional wooden houses without any definite plan, in accordance with the grey style of life.

Ideology of the grey architecture can be seen in the works of the Latin American architectural school headed by Alejandro Aravena, the Pritzker Prize winner. His most innovative technique involves taking unauthorized constructions as the basis for planning and realization of development. Aravena’s method in-

Исторические города, как правило, «экономически окрашены» в различные сочетания серого и белого. Чем больше оттенков, тем сильнее ощущение историчности, многослойности образа. Иркутск стал таким к концу девятнадцатого века, после большого пожара в июне 1879 года. При восстановлении города образовалась главная «белая ось» - улица Большая (ныне Карла Маркса), сплошь застроенная богатыми каменными зданиями под железными крышами. В то же время, в непосредственной близости от Большой сгоревшие кварталы застраивались традиционными деревянными усадьбами, без четкого плана – вполне в духе серого образа жизни.

Идеология серого зодчества нашла свое мощное выражение в работах латиноамериканской школы архитекторов – во главе с Притцкеровским лауреатом Александром Аравена. Самый новаторский из его приемов как раз и заключается в том, чтобы ввести самострой в самую основу планирования и реализации застройки. Метод Аравена включает активное сотрудничество с

cludes an active cooperation with future residents – not very rich people that rely on themselves and don't expect much from the government. For example, Aravena describes the following situation: when social housing in Iquique (Chile) was being planned, it turned out that the governmental subsidy was only enough to set up either a bath or a gas boiler, but not both of them. As the majority of the future residents surveyed said, they did not need gas boilers because their family budget was not enough to pay for gas, and, after all, they could do without boilers in the hot climate of Chile. So they set up baths and let the residents buy boilers by themselves (Arkitektura s sotsialnym smyslom. Diskussia Alejandro Aravena i Kirilla Assa, 2015).

This example shows the main principle: respectful attitude towards poor clients. The traditional approach is just the opposite: if these people do not have enough brains to get rich, how they can participate in making design decisions? These decisions should be made by a well-educated and well-to-do person – an architect, a developer or a state official... But grey economy and grey style of life are not necessarily indicative of a loser. It is a refusal to participate in demonstrative consumption and the

related maneuvering through the labyrinth of laws; it is freedom from credit slavery, hypocrisy of the grandees and bureaucratic games. This refusal is often intended. No wonder that the grey economy often becomes more efficient than the white one, and the grey style of life is filled with some deep wisdom.

3. White utopia

It is hard to accept unauthorized constructions, which were planned and designed, and participation of residents in formation and development of the city image as an inevitable and even progressive phenomenon. The persistent desire to simplify the global picture triggers one and the same question: which economy is better? And the answer is at hand: of course, the white one! Let everything be absolutely legal, let all streets be straight, all facades be transparent, all colours be bright, and all people be open and happy. Even if the imperfect laws make our lives difficult, we will patiently wait for their improvement, anyway. If straightening of streets causes demolition of historical monuments, we will keep them in memory. And later, when we have an opportunity, we will build them once again. We will use bright Finnish colours. Although they faint very quickly and do not

будущими жильцами поселения – людьми, как правило, небогатыми, привыкшими полагаться в основном на себя и не ждущими особой заботы от государства. Например, Аравена описывает такой случай: при проектировании социального жилья в городе Икики (Чили) оказалось, что на выделенную субсидию в домах можно установить либо ванну, либо газовый водонагреватель. На то и другое денег не хватает. Опрос будущих жильцов показал – водонагреватели им не нужны, потому что у большинства семей не хватит бюджета для оплаты газа, да и не так уж они необходимы в жарком чилийском климате. Поставили ванны, и пусть сами жильцы докупают нагреватель, если появится такая возможность [8].

В этом примере ясно виден основной принцип: уважительное отношение к бедным заказчикам. Привычный подход совсем иной – раз этим людям не хватает ума, чтобы разбогатеть, то как они могут участвовать в принятии проектных решений? Решения должен принимать образованный, состоятельный человек – архитектор, девелопер, государственный чиновник... Но ведь серая экономика и серый образ жизни – вовсе не признак неудачника. Это отказ от демонстративного потребления, от связанного с ним изматывающего лавирования в путанице законов, отказ от кредитного рабства, от ханжества и лицемерия истеблишмента, от бюрократических игр. Отказ, зачастую, вполне осознанный. Неудивительно, что во многих случаях серая экономика оказывается эффективнее белой, а серый образ жизни наполняется какой-то глубокой мудростью.

Белая утопия

Трудно принять мысль о том, что запланированный, за-проектированный самострой, участие жильцов в формировании и развитии облика города – явление не только неизбежное, но и прогрессивное. Неизбывное стремление упрощать картину мира заставляет опять и опять ставить вопрос: так все-таки какая экономика лучше? И ответ, разумеется, наготове: конечно, белая! Пусть все будет исключительно по закону, пусть все улицы будут прямыми, все фасады – прозрачными, все краски – яркими и звонкими, все люди – открытыми и улыбочивыми. Даже если законы неуклюжие и мешают жить, ну что

же, мы будем терпеливо ждать их улучшения. Если при спрямлении улиц исчезнут памятники истории, ну что же, сохраним память о них. Когда-нибудь потом, когда будет возможность – построим заново. Покрасим все яркими красками финского производства. Правда, они быстро выгорают и плохо сочетаются с традициями цветовой среды нашего города, зато выглядят современно. А людей, которые не хотят жить в этом ослепительном городе, выселим в резервации и лишим основных гражданских прав: на образование, на медицину, на труд, на отдых... пусть вымирают.

Как и любая другая, «белая утопия» очень легко и естественно превращается в антиутопию, стоит лишь начать ее реализацию. Кроме того, любой образ жизни стремится не только сохраниться (даже во враждебном окружении), но и распространиться, вытесняя своими структурами все прочие тона и оттенки. Любой из оттенков серого норовит захватить прилежащие к нему территории, особенно более «светлые по тону»: самострой заполняет общественные пространства и перешагивает красные линии, киоски и уличные прилавки заполняют тротуары и привокзальные площади, на осях генерального плана вдруг каким-то непонятным образом возникают здания... Так попытки игнорировать многоукладность, полистилистичность экономики города становится почвой для непрерывных конфликтов.

Заключение

Времена меняются быстро, мелькают моды и предпочтения, и, возможно, уже в ближайшие годы экономику сменит какая-то другая надежда на всеобщее счастье. Каждый из периодов увлечения тем или иным способом мировосприятия, однако, оставлял свой вклад в инструментарию архитектуры. Биоморфизм модерна не ушел в прошлое вместе со стилем, а продолжает жить и плодоносить. Новые и новейшие конструкционные материалы продолжают возникать практически каждый день. Психология городской среды и интерьера – тема глущее актуальная. Функциональный метод конструктивистов, похоже, только начинает развиваться в должной мере. «Зеленые» и «умные» дома и города – на самом переднем крае современного зодчества.

match our city's traditional colour environment, they look very trendy. Those who do not want to live in this glaring city will be resettled into reservations and deprived of their civil rights to education, medical care, labour, rest, etc... Let them die out.

"White" utopia, like any other one, turns easily into anti-utopia as soon as its realization is launched. Besides, any style of life tends not only to remain (even in a hostile environment), but also to spread, pushing out all other tints and shades. Any shade of grey wants to invade neighbouring territories, especially the "lighter" ones: squatter development sprawls out into public spaces and crosses red lines; kiosks and street stalls occupy pavements and railway station forecourts; buildings surprisingly appear on the axes of the masterplan... Thus, the attempts to ignore multistructurality and polystylistics of the city economy form the ground for constant conflicts.

Conclusion

Times pass very quickly, methods and preferences interchange each other. Probably, in the nearest years, the current economy will be replaced by another believe in overall happiness. However, every period of focusing on one or another way of world

perception has had a certain contribution to the architectural set of tools. Biomorphism of modern art did not become a thing of the past together with the style, but continues to live a fruitful life. New construction materials keep appearing almost every day. Psychology of city environment and interior design is very topical today. It seems that the functional method of constructivists has just acquired its proper development. "Green" and "smart" houses and cities are at the forefront of contemporary architecture.

What legacy will the period of "economic architecture" leave to future generations? Maybe it will be the answer to the eternal question: "To whose profit is every design decision?" Or rather a way of finding the answer. We should pose the question in a proper, constructive and efficient way: of what shade, from white to black, is the style of life of the strata that practically acts as a client? To whose profit and in whose interests does the architect create? Isn't the architect's creative work is used by somebody to suppress other people? Doesn't the architectural decision destroy the diversity of shades necessary for the city's complex organism? What can we do to make architecture profitable for all?

Что оставит будущим поколениям период «экономической архитектуры»? Может быть, это и будет ответ на вечный вопрос: кому выгодно каждое конкретное проектное решение? Вернее не ответ, а способ нахождения такого ответа. Правильная, конструктивная и эффективная постановка вопроса: какого оттенка, от белого до черного, образ жизни той страты, которая фактически является заказчиком? Для кого, для чьей выгоды, чьих интересов творит зодчий? Не стал ли его творческий полет инструментом несправедливого подавления одних людей другими? Не разрушает ли архитектурное решение того разнообразия оттенков, которое так необходимо сложному организму города? Что еще можно сделать, чтобы архитектура становилась выгодной для всех?

Литература

1. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: ЭКСМО, 2015. – 720 с.
2. Сото Э. де. Иной путь: экономический ответ терроризму / пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2008. – 408 с.
3. Росстат: доля теневой экономики достигает 10–14 // Вести. Экономика. – <http://www.vestifinance.ru/articles/83306>
4. Schneider F., Buehn A., Montenegro C. E. Shadow Economies All over the World. Policy Research Working Paper 5356. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit. –2010.
5. Лидин К. Л. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–89.
6. Мякота А., Грибакина Л., Елизарова Е., Рубцов А. Велопешеходный мост на остров Татышев // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 28.
7. Григорьева Е. Прогулки по Иркутским кварталам // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 82–88.
8. Архитектура с социальным смыслом. Дискуссия Алехандро Аравены и Кирилла Асса // Архсовет Москвы, 24 нояб. 2015 г. – <http://archsovet.msk.ru/article/gorod/arhitektura-s-social-nym-smyslom-diskussiya-alehandro-araveny-i-kirilla-assa>

References

- Arhitektura s sotsialnym smyslom. Diskussia Alejandro Aravena i Kirilla Assa [Architecture with social sense. Discussion of Alejandro Aravena and Cyril Assa]. (2015, November 24). Retrieved from <http://archsovet.msk.ru/article/gorod/arhitektura-s-social-nym-smyslom-diskussiya-alehandro-araveny-i-kirilla-assa>
- Grigoryeva, E. (2017). A Walk around Irkutsk's Quarters. *project baikal*, 12(46), 82-88. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.46.952>
- Lidin, K. (2017). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. *project baikal*, 12(45), 84-89. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Myakota, A., Gribakina, L., Elizarova, E., & Rubcov, A. (2017). Bicycle pedestrian bridge to Tatyshv Island. *Project Baikal*, 52, 28.
- Rosstat: dolya tenevoi ekonomiki dostigaet 10-14% [Rosstat: the share of the shadow economy reaches 10-14%]. Retrieved from <http://www.vestifinance.ru/articles/83306>
- Schneider, F., Buehn, A., & Montenegro, C. E. (2010) Shadow Economies All over the World. Policy Research Working Paper 5356. The World Bank Development Research Group Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region Human Development Economics Unit.
- Soto de H. (2002). *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*. NT: Basic Books.
- Stiglitz, Joseph E. (2012). *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. NY: W.W. Norton & Company.